

Н.Е. Минина (Витебск)

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ОСТРОВНЫХ РУССКИХ
ДИАЛЕКТОВ ВИТЕБЩИНЫ)**

Развитие любого островного говора, безусловно, происходит в направлении утраты архаических (исконных) черт и постепенной ассимиляции с окружающим диалектом. Накопление инноваций – длительный процесс. Продолжительность переходного состояния зависит от многих факторов: продолжительности контактов, их активности, близости контактирующих языков, а в случае со старообрядческими говорами – еще и от добровольности или вынужденности контактов, их культурно-религиозной специфики.

В исследуемых нами островных микросистемах представлено два вида диалектных признаков: основные (свойственные материнскому говору и отсут-

ствующие в белорусском окружении) и вторичные (возникшие в результате столкновения разных диалектных систем). Говоря об изменении островного говора, следует учитывать и его развитие как самостоятельной системы (под влиянием литературного языка, в результате внутренних языковых процессов).

Изучение старообрядческих говоров Витебщины ведется нами около 20 лет. В ходе первых полевых экспедиций фиксировался в основном архаический слой говоров, изучение которого позволило определить место исследуемых диалектов на русской территории. Сейчас нас больше интересует развитие говоров, изменения, которые, как известно, по-разному проявляются не только в зависимости от возраста, социального статуса носителей, но и от коммуникативных целей, функциональных ситуаций речи. Анализ текстов различного характера позволил выявить следующие общие закономерности.

Устойчиво сохраняется культовая старообрядческая лексика, употребляемая при богослужении, представленная в церковных книгах: *свечи, лестовка (лесенка), лазарь (нищий), мирской, моленная, безысмертный, глава-тица* (купол храма), *адесный* (правый), *безголовник* (грамотный человек, но не поп), *головщик* (запевает на клиросе); церковнославянизмы отмечаются даже в обыденной разговорной речи: у *няво балела оясница* (Шарковщинский р-н). Преобладают исконные названия культурно значимых, культурно маркированных предметов, явлений (одежды, элементов жилища, пищи и т.п.), в основном ритуального и этнографического характера (*азям (зям)* – черный ритуальный халат для богослужения), *шубейка (сарафан, широколяшник)* – женский ритуальный сарафан, *апашень* – длинный сарафан с короткими рукавами, *ангерка* – женское пальто, *кафтан* – длинная верхняя мужская одежда, *кокошник* – головной убор, поверх которого повязывается *плат* (не платок!), *сочень* – блюдо из картофеля, *сканцы* – блюдо из муки с творожной начинкой – и др.). В этом случае существенное значение для судьбы слова имеет фактор осознанности различия параллелей самими говорящими: *Сварила валогу, затирку па-вашаму; Мы гаварим гнила, а не глина*. В силу законсервированности говоров старообрядцы нередко хранят слова, утраченные материковыми диалектами, например, нами отмечена лексема *камка* в значении "бидон" (*Малака атстаиваецца у камках* (Браславский р-н), зафиксированное в значении "чайная чашка" на Печоре с пометой "уже в 1940 г. – только старухи так говорят" [Словарь русских народных говоров, вып. 13].

Большую роль в сохранении исконных русских названий играют семейные традиции ("так говорила моя мама, бабушка..."), а авторитет родителей в старообрядческой среде чрезвычайно велик. Родителей называют только по-русски: *мама, маменька, матя; папа, папка, бабушка; сеструшка*; с детства входят в обиход отличающие старообрядцев слова *байня, гнила, церква, горница, векиша* (белка), *вѣтух* (луна, месяц), *янятки* (ягнятки), *лягашка* (лягуха), *баркан* (морковь), *кислица* (щавель), *наверех* (наверх), *тапері* (теперь), *стряпать* (готовить), *шостак/ашостак* (припечек) и др., но используются они в основном при общении единоверцев, в семье, при общении с

белорусами на их месте выступают белорусские диалектные или русские/белорусские литературные слова.

Показательно, что сохраняются и названия, имеющие ярко выраженную внутреннюю форму, мотивированные: *ленушка* (лежанка на печи), *атласка* (шелковый платок), *атласница* (цветастый платок у свах), *заветный* (преданный вере, памяти предков), *поземка* (земляника), *сумёт* (сугроб), *набольший* (старший в семье), *потатчик* (советчик), *походушки* (посиделки) и др.

Вариативность – свойство любой разговорной речи, а в условиях островного существования говора количество вариантов возрастает. Выбор варианта обусловлен ситуацией общения, возрастом и образованием носителя. Например, названием традиционного старообрядческого блюда – пирожков из вареной картошки с начинкой – служат в разных говорах слова *гульбишники*, *гульбешники* (от русск. зап. диал. *гульба*), *бульбяшники*, *бульбянки*, *бульбеишники*, *бульбичники*, *бульбечники*. Последние варианты используются людьми более молодыми и чаще в смешанных русско-белорусских поселениях.

Из белорусских говоров старообрядцами заимствуются в основном названия предметов, часто встречающихся в крестьянской жизни: *ночёвка* (небольшое корыто для стирки), *ахрем* (еда для свиней), *алей* (подсолнечное масло), *дежа/дежка* (кадка, бочка), *дёр/дор* (свиной жир), *стонка* (для хранения картошки), *судник* (полка для посуды), *цабэрка* (деревянное ведро), *бодыль* (голый стебель), *носатка* (носовой платок), *вузы* (соты), названия грибов, ягод (*абаўкі*, *бабочки*, *гаряшкі*, *валёнкі*, *говорушкі*; *ажины*, *брусянка*, *дурницы*), повседневной одежды (*андарак* (домотканая юбка), *аборы* (лапти), *абортки* (веревочки для лаптей)) и под. В результате взаимодействия диалектов развиваются лексико-фонетические варианты (*верх* – *верх*, *таперь*, *таперика* – *тяперь*, *тяперика*), появляются междиалектные омонимы (*пахать* пол – *пахать* землю (исконн. *орать*) – изменяются синтагматические возможности слова). Отмечаются контаминанты, возникшие в результате скрещивания межъязыковых семантических дублетов (типа *бутыян* + *Бусел* = *бусьян*) или однокоренных слов (типа *вільготны* + *льготы* = *вильготы*).

Диалектная система старообрядцев не пассивная система, для нее характерно и внутреннее развитие. Действием закона экономии языковых средств, стремлением заполнить имеющиеся лакуны объясняется появление слов типа *будёнка* (будничная одежда), многочисленных собирательных существительных (*лохмотики* (бедные люди), *монатье* (длинная, неудобная одежда), *богатье* (украшения на одежде), *труньё* (тряпье, рванье) и под.; названия различных процессов (*выглядки* (смотрины), *годовщины* (год после похорон), *калькушки* (прятки) и под.). Активно пополняется в говорах группа экспрессивно окрашенных слов: *табанюх* (курильщик), *тельпух* (увалень), *транты* (нехорошие люди), *чигилить* (есть с аппетитом), *клеить* (запоминать) и под. – в основном за счет развития семантики. Образуются собственные лексемы на базе белорусского диалектного материала: *сьедно* (съедобно), *выжабровать* (выпросить), *хмаркий* (о погоде).

Таким образом, лексическая система старообрядческих говоров находится в переходном состоянии, постепенно увеличивается вариативность, которая является свидетельством как междialeктного взаимодействия, так и развития самого говора; наряду с регулярными особенностями отмечаются нерегулярные, исключительные, появляются переходные типы.